

Ваххабизм (Исторический очерк)

Виктория Аракелова

(статья опубликована на армянском языке в “Армянском востоковедческом журнале “Иран-наме”, N 35, 2000)

В связи с событиями последних лет термин “ваххабизм” прочно вошел в политический лексикон, формируя у общественности устойчивые ассоциации с террором и многочисленными региональными конфликтами. В чем же суть этого течения, пришедшего к нам из Саудовской Аравии, какова его связь с исламом на постсоветском пространстве, что за ним стоит, какие цели, помимо религиозных, ставят перед собой его распространители – эти и некоторые другие, связанные с ваххабизмом вопросы, представлены в нижеприведенной статье.

Саудовская Аравия – государство уникальное по многим параметрам. Огромный капитал, буквально обрушившийся на СА в виде нефтяного потока, невозможно “освоить” внутри государства – королевский клан Саудидов давно превзошел по богатству самых влиятельных финансовых магнатов планеты. (см. Подробно А. Васильев. *История Саудовской Аравии: 1745 – конец 20 в., Москва, 1999*). В то же время начало размывания родо-племенных черт в саудовском обществе относится лишь к 60-70 гг. нашего века. Резкая смена морально-этических и нравственных ориентиров в сторону откровенного меркантилизма и потребительства в обществе – теперь уже больших возможностей практически для каждого - внесли огромный диссонанс в людскую психологию. Несмотря на усилия короля СА Фахда проводить социальную модернизацию с учетом религиозной специфики страны, саудиду, пользующемуся сегодня практически всеми достижениями современной цивилизации, все еще трудно трансформировать типичный для традиционного араба патриархальный менталитет – недоверие к нововведениям извне, убежденность в превосходстве своих религиозных идей и неадекватную самооценку.

Но непропорционально большое влияние Аравии на современный мир не ограничивается наличием богатых нефтяных ресурсов. Для огромной части планеты это – прежде всего родина ислама; здесь расположены главные мусульманские святыни – Мекка, основной центр паломничества для всего мусульманского мира, и Медина с гробницей пророка Мухаммеда. Саудовская Аравия - и родина одного из наиболее радикальных исламских течений – ваххабизма, которым в сегодняшних средствах массовой информации зачастую обозначают чуть ли не всех радикальных “политизированных” исламистов, в основе идеологии которых лежит фундаментализм. В самой Саудовской Аравии, где ваххабизм положен в основу государственной идеологии, существуют две его ветви: одна – представленная королевским домом Саудидов и вторая – более радикальная, причастная к открытому террору (в частности теракт в Мекке в 1979 г.); условно последнюю можно обозначить как “анти-Сауди ваххабизм”, так как еще в недавнем прошлом среди ее лидеров были потомки первых анти-Сауди ваххабитов, заявивших о себе еще в конце 20-х гг. (см. подробно *Mehdi Mozaffari. Authority in Islam. Armonk, N.Y.: M.E. Sharpe, 1998, pp96-97*).

В каждой религиозной системе рано или поздно возникают течения, призывающие к очищению от поздних искажений, к возвращению к исконной ее форме. Но лишь немногие из них оказались способны оказать такое влияние на ход истории, как это удалось ваххабизму.

Первые века существования ислама (с 7 по 12) оставили миру настоящий цивилизационный всплеск, на фоне которого еще более драматичной видится “спячка”, охватившая исламский мир в последующие шесть веков – вплоть до 18 в., ставшего поистине переломным для арабов, ислама в более широком смысле и, как неоднократно продемонстрировала в будущем история, для всего человечества.

Османская империя, реально удерживавшая власть в мусульманском мире, и сама к тому времени пришла в такой упадок, что перестала доставлять “активное” беспокойство

арабам: арабо-турецкое противостояние стало почти привычным, болезненные ощущения ущемленного самолюбия арабов, – менее болезненными. Хотя именно в недрах этого “застоявшегося” противостояния и зародились ростки новой доктрины, способной обратить арабов лицом к реальности. Реальной перспективой была европейская колонизация, реальной данностью - многовековая Османская узурпация и профанация собственной нации. Причем именно преодоление последнего фактора, сколь бы абстрактным он ни выглядел, следовало бы обозначить как сверхзадачу, решение которой позволило бы арабам и отстоять свое достоинство в мусульманском мире, и подготовиться к западной экспансии.

Идеи новой доктрины, представившей себя как “хорошо забытое старое” (в ее основу положено возвращение к “исконному” исламу, без нововведений, пришедших в ислам после 3 века хиджры), к тому времени, безусловно, уже давно существовали в эзотерических кругах арабского общества в виде интуитивного поиска пути, выхода из стагнации, некоего прорыва в новый мир (а он к 18 веку действительно стал новым). Исламский мир в том состоянии, в котором он находился в этот исторический период – до возникновения ваххабизма, определенно потерпел бы фиаско перед неуклонно надвигавшейся западной цивилизацией...

Традиционно выделяемые два фактора, приведшие к возрождению ислама – ваххабитское движение и обновление суфийских орденов, предвосхитившие потребность в реформах и нарушившие спячку, охватившую арабский мир при Османах (*Дж. Тримингем. Суфийские ордены в исламе, Москва, 1989, с. 93*), можно, на наш взгляд, свести к одному - собственно возникновению ваххабизма, так как реформы суфийских орденов стали лишь следствием ваххабитского движения, или, скорее реакцией уже на само зарождение новой доктрины, поскольку корни и того и другого уходят в 18 век (*там же*).

Суфизм, обросший к тому времени многовековой историей - мистической и реальной - и прочно укрепивший свои позиции в системе ортодоксального ислама, подобно многим учениям, вначале испытавшим резкое сопротивление, а затем не встречавшим его вовсе, постепенно изжил себя – дух суфийского опыта ослабел практически во всех тарикатах. Необходимость реформ была налицо, и ваххабизм, выступивший с резкой критикой суфийских орденов, как впрочем и многого другого в исламе, и не замедливший перейти от критики к открытой агрессии, подтолкнул суфизм (а в сущности весь ислам) к обновлению.

Следует принять во внимание и не религиозную сторону проблем арабского общества того времени – разобщенность племенной структуры и проч., в котором ваххабизму предстояло еще сыграть важную роль в объединении Аравии и образовании единого государства на территории, где таковое никогда прежде не существовало.

Перед создателем новой доктрины – Мухаммадом Абд ал-Ваххабом (1703-1787) – стояла поистине сложная задача. Для возрождения и самого выживания, не говоря уже о дальнейшем укреплении и развитии арабского общества надо было ни много ни мало – заставить его принять учение, совмещающее трансцендентность Абсолютного Бога и качественно новый рационализм социального опыта.

В чем, собственно, суть ваххабитской доктрины? Преследуя цель покончить с нововведениями (*бидъа*), принятыми после третьего века хиджры (т.е. с 9 века н.э.), ал-Ваххаб выдвинул следующие положения:

1. Все объекты поклонения, за исключением Аллаха, ложны, и все, поклоняющиеся им, заслуживают смерти.
2. Часть людей не является монотеистами, т.к. они стремятся заслужить милость Божью посещением могил святых.
3. Вводить в молитву имена пророка, святых и ангелов – многобожие.
4. Искать заступничества кого-либо, кроме Аллаха, - многобожие.
5. Давать обет кому-либо, кроме Аллаха, - многобожие.
6. Проповедовать знание, не основанное на Коране, Сунне или вытекающих из них положений - безбожие.
7. Отрицать меру в деяниях – ересь.
8. Иносказательно комментировать Коран - безбожие.

Вначале в качестве правовой базы нового учения Мухаммадом Абд аль-Ваххабом был избран ханбалитский мазхаб – самая ортодоксальная из правовых школ суннизма, не терпящая трактовок и предполагающая наиболее трансцендентное рассмотрение Бога. В дальнейшем к и без того достаточно строгой социально-этической системе ибн-Ханбала аль-Ваххаб добавляет на первый взгляд незначительную, но достаточно характерную деталь: взимать добровольную дань (закат) не только с заявленного (так сказать декларированного) продукта, но и со скрытой (теневой) выгоды, а также с торговли – что это, как не введение строжайшей фискальной системы, закладывание основ экономического роста – тот самый рационализм, вроде бы несовместимый, на первый взгляд, с другим, редко упоминаемым положением – уже из области сакрального – не отмечать чтение молитвы на четках, а только на костяшках пальцев. Положению этому нет формального объяснения (кроме того, что сам Пророк считал ракаты на костяшках пальцев правой руки). Но, возможно, что и это одно из проявлений беспрецедентной абсолютизации всего божественного (ведь если посещение могил святых сводится к многобожию, то использование любого атрибута в молитве можно считать проявлением фетишизма).

Это еще раз показывает, что Мухаммад Абд аль-Ваххаб – личность по меньшей мере незаурядная, сумевшая узреть корни арабской проблемы и расшевелить сознание араба. Кстати, уже в самом начале его религиозной “карьеры”, в период ученичества в Медине, ему приходилось выслушивать обвинение в еретических мыслях от своих же учителей – Сулеймана аль-Курди и Мухаммада Хайат ал-Сейеда. Позже, проводя долгие годы в странствиях (Багдад, Курдистан, Хамадан, Исфаган, Кум ...), он “примерял” к своему мировоззрению многое – от классического суфизма до аристотелевской философии, но еще до возвращения на родину в Аяну, он стал твердым последователем ханбалитского суннизма. После многомесячного затворничества аль-Ваххаб, наконец, выступает с открытой проповедью своего учения, позже изложенного им в *Китаб аль-Таухид* (“Книге Единобожия”). В своем отечестве пророком он не стал – родной брат Сулейман посвятил целый трактат безжалостной критике в адрес новой доктрины, кузен Абдаллах Хусейн открыто выступил против него. Дело дошло до клановых распрей, после чего аль-Ваххаб был лишен солидного имущества и изгнан из города. Приняли его в ад-Дирийе – небольшой тогда деревне, призванной историей стать отправным пунктом ваххабистской экспансии. Местный вождь Мухаммад ибн Сауд (будущий основатель королевской династии Саудидов) проникся новыми идеями и разрешил их пропаганду, условившись, что в случае крупного успеха и распространения влияния на соседние территории официальная власть будет всецело в его руках, а духовное лидерство – у аль-Ваххаба. Уже через год пришелец обратил в свою веру всех местных жителей за исключением четверых, которым пришлось покинуть местность. По указанию проповедника строится крайне аскетичная мечеть – без минаретов, без орнамента и даже (!) без ковров на полу. Каждый, кто пренебрегает совместными молитвами, наказывается. В то же время аль-Ваххаб поощряет использование огнестрельного оружия. Вскоре новая секта под военным руководством ибн Сауда и его сына Абд аль-Азиза вступает в свою первую многолетнюю войну за распространение своих идей. На захваченных землях, помимо основной крепости, окруженной рвом, ваххабиты строят укрепления, в каждом из которых оставляют *итала*’ – хорошо оплачиваемых солдат, а также кади и муфтия.

В 1773 г. повержен наиболее серьезный противник ваххабитов – шейх Диххам, уступивший противнику Рийад: таким образом ваххабиты контролируют уже весь Неджд. Политические заговоры и псевдодоговоры – такая же составляющая успеха ваххабизма, как и открытые сражения с неприятелем. Для нарушения заключенного в Багдаде в 1799 г. мирного договора ваххабитам не понадобилось формального повода – уже в 1801 г. они вошли в Кервелу: могилы шиитских имамов были осквернены

(“Поклонение святым – многобожие!”), мавзолей - разрушены, а большинство жителей - жестоко убиты, а всего год спустя уже правитель Мекки Галиб, перед угрозой сына Абд аль-Азиза Са’уда покончить с многобожием, счел необходимым эвакуацию жителей города. Однако после провала аналогичных попыток в отношении Джидды и Медины ваххабитам пришлось вернуться в Хиджаз, где их гарнизон был разбит местным ополчением, а ваххабиты лишились своего духовного лидера – имама Абд аль-Азиза, убитого шиитом, выдававшим себя за новообращенного ваххабита.

Именно крайне агрессивная позиция ваххабитов, а отнюдь не теоретические противоречия в доктринах послужили причиной того, что исторически ваххабитско-шиитские отношения оказались отмечены непримиримой враждой. Современные шиитские духовные лидеры, авторитет которых не вызывает сомнений у всего мусульманства, однозначно характеризуют ваххабизм как “сплошь безосновательное и фанатичное поверье”, антикораническую религию, использующую “всемиловитый Коран для уничтожения ислама и Корана”, вменяя в вину ее носителям убийство паломников, нарушение безопасности священных мест и прочее (Имам Хомейни. Последнее послание: Политико-религиозное завещание, Тегеран, 1997, сс. 52, 143, 144).

Самому же Сауду удалось спастись и даже удачно возобновить свою деятельность, в результате которой капитулировали 1804 г. Медины, в 1806 г. – Мекка и позже – Джидда. Достойное сопротивление оказал лишь Дамаск. Не на шутку взволнованное Османское правительство приказало правителю Египта Мухаммаду Али Паше покончить с проблемой раз и навсегда. Али Паша временно передает командование армией своему сыну Тусуну, которому, хотя и с трудом, но удается одержать верх над ваххабитами и в 1812 отвоевать Медину.

Поверженных еще ждали испытания - поистине ударом по ваххабизму стала смерть Сауда в 1814 г., после которой его приемник Абд Аллах пошел на мировую, согласившись признать власть Османского султана, а затем, в очередной раз нарушив политический договор (увы, стоявший во главе египетской армии Тусун обладал даром полководца, но не политика-провидца), так и не ставший реальней ваххабитского мышления, был схвачен и казнен в Константинополе (*Efraim Karsh, Inari Karsh. Empires of the Sand: The Struggle for Mastery in the Middle East 1789-1923. Harvard University Press, 1999, pp.29-30*).

Но огромные усилия, затраченные отменным военачальником ибн Саудом не пропали даром: непоколебимая воля и стремление к власти помогло династии уже несколько лет спустя не только закрепить свое влияние в центральной Аравии, но и в значительной степени продвинуться к “Благодатному полумесяцу”, а уже к 1833 году подчинить и обложить данью все побережье Персидского залива. Попытки Османской империи противостоять им, если периодически и были результативны, то лишь на короткое время.

Последующие представители дома Сауда сменяли друг друга и даже уступили на несколько десятилетий власть в руки правителей княжества Шаммар - Рашидидам, но сфера влияния ваххабизма неизменно расширялась. Так что вернувшийся к власти на стыке 19-20 вв. Потомок Сауда - Абд аль-Рахман б. Сауд уже в 1904 г. был хозяином всего, чем управлял его дед (*H. St. John Philby. Arabia. London, 1930*), и, удачно противостоя преемнику Рашидской династии, туркам, разрозненным арабским племенам и претендентам на власть из собственной же фамилии, в 1921 он подчиняет себе Шаммар, в 1924 г. - уже правит Хаилом и овладевает Меккой, в 1925 г. – Мединой и Джиддой. В январе 1926 г. Ибн Сауд объявляет себя королем Хиджаза, султаном Неджда и присоединенных областей.

Первым признал новое государство Советский Союз, установив с ним в 1926 г. дипломатические отношения. А в 1927 г. и Великобритания вынуждена признать независимое государство Саудилов.

Второе десятилетие 20 в. важно еще и тем, что в 1912 г. Ибн Сауд, провозгласив, что “религиозные связи – больше, чем клановые”,

основывает организацию Ихван – “Братья”. В Кашиме появляется первая сельскохозяйственная община – Артавийа, члены которой получают оружие для джихада прежде, чем орудия труда. Не смотря на наличие вооруженных формирований в общине, готовый откликнуться на превыш же призыв о джихаде, все остальные – фермеры (вчерашие бедуины), миссионеры - “мутавви”, а также торговцы не освободились от военной службы. Первоначально общины процветали: за 10 лет число их возросло до 70 с населением до 10 тыс. человек. Однако крайне примитивное хозяйство постепенно привело к экономическому спаду, что, однако, не воспрепятствовало политическому долголетию организации. (Именно Ихван взяли на себя ответственность за террористический акт в Мекке в 1979 г.; их миссионеры, скорей всего, действовали на территории среднеазиатских республик еще до развала СССР.)

Именно в годы мирового экономического кризиса 1929-1930 гг. американские нефтяные монополии добиваются концессии на разведку нефти на территории Саудовской Аравии, промышленная добыча которой началась в 1938 г. и стала основой нынешнего экономического процветания королевства. Отдавая должное королевскому дому, следует отметить, что его представители сумели выгодно распорядиться природным богатством страны, подняв уровень жизни своего народа на качественно новую высоту.

Однако, то же экономическое процветание позволило финансовой элите этой страны расширить зону своего влияния, зачастую – посредством распространения радикальных идей за пределами своего государства.

Что касается масштабного распространения ваххабизма на постсоветском пространстве, необходимо отметить, что “экспортный” вариант этого течения разительно отличается от местного, во всяком случае его официальной версии.

Вообще, радикальные идеи “поражают” в первую очередь регионы, на которых в течении долгого времени ислам или религия в целом притеснялись, а религиозная догматика, изрядно подзабытая, была либо крайне размыта в сознании народа и сводилась в лучшем случае с соблюдению некоторых обычаев или повторению религиозных формул, либо так и не стала частью духовной культуры данного народа в силу превалирования иных мировоззренческих концепций. Именно поэтому постсоветское пространство со своеобразным духовным вакуумом (на тот период, скорее, вакуумом идеологическим, возникшим в связи с прекращением деятельности идеологических институтов, десятилетиями “восполнявшими” низкую активность либо полное отсутствие преследуемых институтов религиозных) и последующим всплеском религиозного сознания, стало для ваххабитов столь благодатной почвой. Активная религиозная пропаганда (в том числе распространение огромными тиражами ваххабитской литературы), зачастую дискредитация местного духовенства, провоцирование конфликтов с местным руководством, а также между самими верующими и прочее свидетельствует о том, что экспорт ваххабизма ведется по определенной программе, с хорошо разработанными правилами “игры”.

В большинстве своем однородные (за исключением Бадахшана) исламские общины Средней Азии вдруг разделились на традиционных мусульман и “истинных”, якобы исповедующих ислам в чистом виде. Почти повсеместно ядро политической оппозиции составили именно исламские фундаменталисты, многих из которых средства массовой информации автоматически причисляли к ваххабитам, что не всегда соответствовало истине. Хотя нельзя отрицать, что именно этому крылу радикального ислама на определенный момент удалось достичь наибольшего влияния в регионе и оставить наиболее плачевные результаты этого влияния. Возвращаясь к вопросу о регионах, в наибольшей степени подверженных влиянию радикализма, нужно отметить, что практически вся Средняя Азия и Казахстан являются таковыми уже в силу того, что за исключением Таджикистана и некоторых анклавов

Узбекистана (т.е. территории исторического иранского влияния), ислам никогда (включая досоветский период) не был определяющей составляющей менталитета и культуры в широком смысле. К этому следует добавить семидесятилетний период религиозного “безвременья”. Нельзя также отрицать, что часть населения, точнее – наиболее несостоятельная его часть была в какой-то мере привлечена идеями аскетизма в ваххабитской пропаганде. В Кыргызстане, например, местные приверженцы ваххабизма объясняют это лишь тем, что разуверились в местном духовенстве, а также – в силу нынешнего положения – являются противниками пышных праздников и паломничества к святым местам. (см. подробно А. Алишаева. *Религиозная ситуация в Кыргызстане. ЦАиК, 4(5), Стокгольм, 1999, сс. 51-55*). Столь примитивное восприятие этого толка ислама, возможно, выглядело бы не так проблематично или, во всяком случае, могло бы остаться причиной повышенного беспокойства лишь в среде местного суннитского клира, если бы новое веяние не переросло в политический радикализм, не скрывающий своей заинтересованности отнюдь не в поиске паствы, но в достижении политической власти. Позже, прогремевшие в Оше взрывы заставили многих пересмотреть свое отношение к ваххабитским миссионерам. И хотя их непосредственная причастность к террору и не была доказана, раскол в некогда единой мусульманской общине – налицо. В Узбекистане к середине 90-х гг. появилось такое количество мусульманских и христианских организаций, в том числе и таких, которые прежде не имели здесь корней, что поначалу ваххабизм воспринимался как не более, чем еще одно веяние. Всерьез заговорили о нем также после террористических актов - в Ташкенте в 1999 г. – к этому моменту негативный облик ваххабизма уже окончательно сформировался в результате гражданской войны в Таджикистане и чеченского конфликта.

Можно долго говорить о влиянии радикального ислама в целом на среднеазиатский регион: специфической оказалась ситуация в Таджикистане. Помимо традиционного ислама с его официальными институтами (зарегистрированными мечетями и проч.), а также традиционного для Бадахшана исмаилизма (в политическом поле республики они были представлены партией этно-конфессионального характера “Лаъли Бадахшон”), здесь действовали Движение исламского возрождения (включающее Исламскую партию возрождения Таджикистана), исламская партия “Такфир”, различные суфийские братства, многочисленные миссионеры различных направлений в исламе. (см. подробно С. Олимова. *Политический ислам и конфликт в Таджикистане. ЦАиК, 4(5), Стокгольм, 1999, стр 133-141*). В числе последних активно действовали ваххабиты. С радикальным исламом связаны многие драматичные события и в политической жизни Таджикистана последних лет, хотя приоритет клановых интересов, субэтническая разобщенность, прочные позиции так называемого “народного” ислама (важной мировоззренческой составляющей таджиков), на уровне общественного сознания свывкшегося с разделением светской и духовной власти, и по сути ставшего в обществе основной оппозицией фундаментализму, а также остаточное влияние советского менталитета, несовместимого с неукоснительным соблюдением норм ислама, так и не позволили радикальным идеям окончательно закрепиться здесь. Последнее хорошо иллюстрируется высказыванием Кази Таджикистана Али Акбаром Тураджонзода о том, что страна, даже при самых успешных усилиях исламистов, не была бы готова принять их духовное правление в течении по крайней мере пятидесяти лет (*Кит Мартин. Куда идут исламские радикалы Центральной Азии. ЦАиК, 4(5), Стокгольм, 1999, стр. 89*). Так что отсутствие высокого уровня религиозности, безусловно играющее на руку радикальному исламу на этапе проникновения, может обернуться против него в дальнейшем, когда недостаточный “религиозный фон” воспрепятствует утверждению норм фундаментального ислама.

В пользу же аргумента об относительной слабости ваххабизма в регионах, где традиционные религиозные устои изначально сильны, говорит и сравнение сфер влияния этого течения в соседствующих Чечне и Дагестане. Чеченцы, по большому счету, - формальные носители суфийского ислама, принятого ими достаточно поздно (в 16-18 вв.) и так и не укрепившегося в национальном сознании; своеобразный “тейповый” кодекс поведенческих

норм в Чечне и по сей день преобладает над религиозным - шариат здесь всегда подменялся адатом. С другой стороны, появившиеся с принятием ислама новые религиозные институты - суфийские тарикаты, которые в сфере общественной организации действовали параллельно с тейпами, будучи более универсальными, со временем обрели важное общественно-политическое значение. (см. подробно: И.М. Мурадян, С.А. Манукян. "Третий путь" евразийских наций и ирано-шиитская революция. Ереван, 1997, сс. 159-170). И несмотря на то, что ваххабизм как религиозное учение сам по себе в действительности не имеет корней на Северном Кавказе, нельзя не принимать во внимание неафишируемые контакты с ваххабитами духовных лидеров суфийских тарикатов *нахшбанди* и *кадери*. Эти традиционные для Чечни формы ислама, в первую очередь - наиболее универсальный орден *нахшбанди*, обеспечивший ее связи со всем мусульманским миром, а в особенности с Османской империей и затем с Турцией, до определенной степени сохраняли свое влияние в этой республике даже в период существования СССР благодаря интеграции в советские административные структуры. Общие интересы с ваххабитами (в т.ч. геополитические), но уже турецкой политической и финансовой элиты, в основном также принадлежащей к тарикату *нахшбанди* (см. там же, с. 162), возможно, объясняет столь сострадательную позицию Турции по отношению к чеченской проблеме: в Стамбуле проходили лечение раненные боевики, здесь же вербовались новые, Фондом прав и свобод человека организуются антироссийские демонстрации, а официальные власти выражают готовность протянуть руку помощи братскому чеченскому народу и принять у себя всех желающих беженцев, обещая для начала разместить их в палаточном городке на севере Турции.

Переселение северокавказских народов в Турцию имеет давнюю историю (А.М. Магомеддаев, М.К. Мусаева. К истории переселения дагестанцев в Турцию. – Iran and Caucasus: Research Papers from the Caucasian Centre for Iranian Studies. Vol. 1, pp. 55-64), которая уже неоднократно доказывала, что, как это ни парадоксально, любые события на юге России, провоцирующие волны миграции в Турцию, оказываются на руку турецким властям. Не исключено, что причиной такого "понимания" к северокавказским мухаджирам является то, что ими можно "разбавить" наиболее "проблематичные курдонаселенные" регионы, снизив в них тем самым постоянно повышенный уровень политической напряженности (см. подробно V. Arakelova. The Zazas as Ethno-political Factor in the Region, "Iran & the Caucasus: Research Papers from the Caucasian Centre for Iranian Studies", Vol. 3-4, Tehran, 2000).

Выступив еще в ранний период противостояния Чечни и федерального центра в качестве "воинов ислама", поддержавших братьев по вере и создав здесь основательный плацдарм для дальнейшего развертывания своей деятельности, ваххабиты приложили немало усилий для распространения своего влияния в соседнем Дагестане. Однако Дагестан, всегда (включая период Советов) остававшийся своеобразным "оплотом" религиозности, вовремя усмотрел опасность радикальных идей для своей многонациональной республики - примерить ваххабитский толк на местные ханафитский и шафритский мазхабы ваххабизму так и не удалось. Дагестанское духовенство инициировало поддержанный в конце концов Госсоветом Дагестана законодательный запрет этого течения.

Ваххабизм, однако, далек от того, чтобы сдаться свои позиции: сегодня на постсоветском пространстве он распространен чуть ли не повсеместно, где живут мусульмане-сунниты (Северный Кавказ, Средняя Азия, Татарстан, Башкортостан), а в последнее время некоторые данные указывают на его продвижение на восток – в нефтеносные регионы Сибири. География современного не-арабского ваххабизма указывает на то, что за этим движением стоят геополитические интересы сил, в том числе арабской финансовой элиты, стремящихся к установлению контроля над перспективными источниками сырья и коммуникациями.

Помимо постсоветского пространства, ваххабизм в разное время получил некоторое распространение в Афганистане, Индии, Пакистане, в некоторых странах Африки, он активно

действует и в западных странах – под различными “вывесками”. Движение это неоднократно становилось источником проблем для правительств многих стран.

Так, проникнув в Индию в 1823 г., уже годом спустя его сторонники на границе с Пешаваром объявили джихад против Сикхов, а после поражения – собрали мусульман под знамена джихада против англичан и индусов. Гибель главарей – Сайида Ахмада (основателя индийского ваххабизма) и его преемника Титу Мийана отнюдь не подорвала активности ваххабитов: их постоянные призывы к джихаду, ставшие основной идеей ваххабизма в Индии, постоянное вооруженное противостояние властям, террористические акты, нескончаемое кровопролитие привели к тому, что в 1980-1981 гг. мусульманские общины Индии – и шиитские, и суннитские – выступили с официальной декларацией о неприятии ваххабитской доктрины джихада (SEI, Leiden, 1953, с. 621).

История этого течения показывает, что его последователей никогда не останавливали ни поражения, ни казни лидеров и заговоры против духовных лиц, ни, кстати, заключаемые ими же мирные договоры – мир почти всегда длился ровно столько, сколько необходимо было для того, чтобы оправиться от потерь и собрать новые силы. Последнее обстоятельство необходимо особенно принять во внимание тем, кто часто говорит о возможности “договориться с ваххабитами”, ссылаясь, к примеру, на Египет, которому это удалось, хотя и дорогой ценой. (В газетной версии – покритиковать А. Малашенко) Однако, когда речь идет о широкомасштабном распространении радикальных идей и их использовании в политических целях далеко за пределами собственного государства, очевидно, насколько бесперспективна идея договора с кем-либо, кроме официальной власти - от нее же можно требовать и нарушения условий договора. Но для этого политическим кругам всех заинтересованных стран - а число их будет расти - еще придется объединить свои усилия для возвращения ваххабизма в рамки границ его исторической родины.